

ЕКШ
коф 5376
№ 117

ИВАНОВ Д.А.

Воспоминание бывшего красногвардейца
Первого красногвардейского
отряда Енисейского уезда

- ВОСПОМИНАНИЕ -

бывшего красногвардейца

ИВАНОВА Дмитрия Афанасьевича, рождения 1889 г.
член КПСС с 1917 года, № п/билета 07352362, уроженец
с. Казачинского Красноярского края, проживающего г. Енисейск
ул. Союзов № 34.

1917 год стал большим переломом в моей жизни, то, что было мечтой с малых лет, борьбы с гнилым капиталистическим строем и безжалостной эксплуатацией.

Работал с одиннадцати лет на золотопромышленных приисках, у разных предпринимателей: Яковлевых, Савиных, Федоровых.

Работал на земляных работах. Особенно осенью приходилось трудно т.е. работали почти круглые сутки. Бывало, придешь в казарму, поскорее поешь, одну ногу разуешь и, колокол-на работу.

В ненастную погоду, недаром в шалках у рабочих заводились черви. Попробуешь возражать и работы не получишь, /закон-тайга, прокурор-медведь/- говорили люди. В 1905 году попросили на прииске "Боровое", южные прииска, пред"явить свои требования, так быстро появились казаки, на усмирение.

И тут руководителям пришлось поплатиться своей шкурой.

Дальше война, которая исключительно несправедливо была построена, т.е. на уничтожении человечества, вызвала вначале февральскую революцию, после которой партия перешла на нелегальную работу.

С приездом тов. ЛЕНИНА в Россию 29/III-1917 года внесена была в солдатские массы инициатива стремления бороться с капиталом, никакая провокация, наглая ложь по поводу т. ЛЕНИНА, со стороны буржуазных прихвостней, не могла поколебать преданную массу, а наоборот больше обострила.

В нашей автомобильной команде оказался старый член партии тов. ВАХРУШЕВ. Он помог и мне оформиться, сознательно и официально стать членом этой великой партийной семьи.

Я принят был в члены партии, в армейскую организацию, в городе Несвиж 22/IV-1917 года. Первая моя работа была выборная-товарищ председатель авто-команды, вел раз"яснительную работу среди солдат о предстоящих выборах в "Учредительное собрание"

В декабре 1917 года я получил отпуск по болезни и уехал домой, в село Казачинское. В то время в сельской местности шла усиленная борьба, буржуазных прихвостней — правые жеры, которые вели агитацию за "Учредительное собрание". За ними шло кулачество, сельские торгаши. Народ раскололся на два лагеря: середняк и бедняк шел за партией большевиков. Партийная организация в то время была в Казачинске из 75 человек. Председателем был Мучник Георгий Александрович, после съезда, состоявшегося в г. Енисейске, где присутствовали лучшие большевики. По возвращении делегатов с этого съезда у нас, в селе, на отчетном собрании получился крупный бой. Эссеры и подобные им, с пеной у рта защищали "Учредительное собрание", шли против создания советов.

2/II-1918 года я уехал в Красноярск, на прежнюю работу, слесарем электропроводной станции. Работая по своей специальности я был избран членом правления союза металлистов. Все будто бы пошло хорошо, в нашем г. Красноярске, если не учитывать что разгорались события на западе. Но вот и до нас ~~шли~~ стали доходить черные тучи, надвигаться над нашей Родиной. Буржуазия использовала предателей — меньшевиков и эсеров против интересов рабочих и крестьян. Меньшевики, эссеры свили гнездо в Уфе, спровоцировали военнопленных чехов 40 тысяч, собравшихся ехать на Родину, но якобы большевики их не пропускают, которые заранее были разбросаны по железно-дорожной линии, от Челябинска до Дальнего Востока. Красноярск оказался между двумя фронтами — Ачинск и Канск. Лучшие люди посылались на фронт и шли сами, добровольно, защищать Родину и родной город. И в то время мы были не одни, в нашей стране были товарищи из военно-пленных — мадьяры, немцы, латыши, которые видели всю эту несправедливость обман, благодаря которого попали в эту авантюру.

Чехи до зубов вооруженные, хорошо обученные, все больше наступали. Гвардейские части дрались как звери, до последней пули и умирали в рукопашном бою, за Родину. Тов. ЛАЗО Сергей шел с Дальнего Востока на выручку красноярцам, с боями, но противник бросал все силы, чтобы не допустить. Против ЛАЗО были сосредоточены силы чешских войск, японских, американских. Семенов, Калмыков — вся эта свора жала на него.

Я работал и остался единственным слесарем на водопровод. Меня администрация через комитет партии не разрешила отправить

на фронт. Сказали: "Твое место пока-что здесь". Предложили работать, а когда понадобится сказали - "Позовем", и дали в порядке нагрузки обучать женщин-коммунисток, ружейным приемам. 15/У1 вызвали в Комитет партии и обязали принять часть боевого красногвардейского отряда, и взять на себя охрану речного флота Красноярской пристани, контролировать переезд людей на пароме, чтобы не попали чехи в город. Все больше назревало волнение среди населения города, контрреволюция все активнее действовала, вела агитацию против Советов, особенно когда было направлено золото в Енисейск, под усиленной охраной интернациональных частей. Партия усиленно вела разъяснительную работу на всех участках, а когда железнодорожники захватили штаб Красной Гвардии и воспользовались оружием, туда был направлен тов. Марковский, командующий Красной Гвардией. Он выехал с двумя орденарцами, верхом. Когда подехали к воротам мастерской, тов. Марковский пошел с одним орденарцем в мастерские, где проходил митинг. За столом сидел офицер, на столе, перед ним лежал наган. Сразу-же, при появлении Марковского офицер объявил ему арест. В это время орденарец бросает гранату, а сами побежали к лошадям. Прикрываясь своим огнем уехали обратно, но т. Марковский был ранен в плечо. Предатели интересов рабочего класса и тут успели сделать свое гнусное дело.

Основной костяк рабочих железной дороги ушли на фронт, защищать свой родной город и Родину остались только те, которые только что пришли работать на ж.д. и отсталый элемент, который легко поддавался на ласковые слова и слепо шел за предателями. После нападения на тов. Марковского они устремились на то, чтобы захватить пароходы на пристани и догнать ушедший пароход "Россию" с золотом. В этот момент меня вызвала охрана

малого парома, на протоке, за островом, в связи с задержанием шпионов / два чеха пробирались в город / Пока я ездил туда, а у меня железнодорожниками были сняты посты и обезоружены. Вместо их поставили своих и сообщили в свой штаб, что пристань занята. Я слез с парома, смотрю мои люди /18 человек/ стоят около старой водокачки и без оружия. "В чем дело?" спрашиваю их. Они об"яснили, как это произошло. Пропуск наш был известен им, а ихний - нам. Наш - "Москва", а ихний - "Ярославль". В новый музей подошли красногвардейцы под командой тов. Перельмана, для прикрытия отступления. Я обратился к нему за помощью. Беру 10-ть вооруженных красногвардейцев, пользуюсь ихним пропуском, снимал посты железнодорожников. Только с этим закончил, часовой мой, стоящий на углу Покровского переулка, сигналил, что идут цепи к пристани. Я подтянул десяток людей, пересекли дорогу, винтовки наизготове, спрашиваю пропуск. В ответ - "Ярославль" Командую - "Бросай оружие, отходи вправо!" Собрали оружие и угнали их в музей. Их было тридцать человек. Только этих прибрали, едут двое, на извозчике, до зубов вооруженные, видать буржуазные сынки: винтовки, шашки, наганы и пулеметные ленты через плечо. Часовой задержал, спросил - "Куда едете?" Гордо отвечают - "Арестовать Марковского". Спросили пропуск - "Ярославль". И этих задержали, послали тов. Перельману, а он знает, что нужно делать с такими героями.

Экспедиция в низовье. 18/VI . Раннее утро. Я решил сходить на квартиру, покушать и узнать как дела дома. Хозяева были не нашего духа, в дверь не пошел, а влез через окно. Время было 4 часа утра, покушал и сказал жене: "Приду ужинать вечером". Вылазу через окно обратно, смотрю на столбе крестик мелом написан. Жил я в кузнечных рядах - баня Гринберга, во дворе, во флигеле.

Тут мы и ожили. Догоняем всю свою флотилию. Нашему пароходу поручает командующий проконтролировать "Казачинский порог". Пришлось мне, как жителю села Казачинское с латышами проверить левый берег от д. "Подпорожье" до "Шепилевки". Пароходы прошли порог благополучно. Второе задание получали в Казачинске: увязаться с верхним п/о по телеграфу, вплоть до Красноярска, а потом снять аппаратуру. Идем на катере "Стрелка", подошли к селу и 12 человек пошли на почту, вызвали Мурту, Красноярск, и что-же, наругали нас матом и все. Сняли аппаратуру и пошли. Недружелюбно смотрели на нас казачинские кулаки: Глазунов, Петухов и ~~кми~~ ^{прихлебатели} ~~дядьки~~ их- эссеры: Накрохин, Усов, Самохватов и подобные им. В селе у меня жили дядюшка, тетка, и мой сынишка 6-и лет. Я зашел домой, чашку чаю выпил, пришел дядя и говорит: "Оставь мне наган или винтовку", а я говорю: "Большеви-ков наверное будешь стрелять?" - он промолчал. Когда я пошел на катер, так он с берданкой выбежал в огород и хотел стрелять в меня, но видимо сдало. Об этом я узнал позднее от сынишки. Вот вечный батрак, работал на чужого дядю, стал прихлебателем купцов, кулаков, на селе защищал их интересы, подставлял свою шкуру. Приходим в Енисейск последними. Я получаю задание от командующего вернуться на катере обратно до Казачинска, где высадить двух товарищей: Перельмана и еще одного, фамилии не знаю, направляющихся в Красноярск для подпольной работы, затем забрать динамит на Медном руднике. Катер из Каргино ушел, в Башкирах его обстреляли, он вернулся обратно. К утру я с 7-ю бойцами остановился в Каргино для оформления из "ятого динами-та, который хранился у некого Лобанова. ^{и т.п. обратное} Народ был уже поднаст-роен. Лобанов вначале соглашался выдать, а потом отказался. Приходит и говорит, что нужно, чтобы общее собрание решило.

Такими крестиками были обозначены квартиры всех большевиков.

В 8 часов утра началась эвакуация Советов, грузились на пароходы, отступать было решено по реке Енисею до Диксена, а там морскими пароходами уйти в Мурманск и соединиться с Красной Армией. *Менделеев* тов. ВЕЙНБАУМА, МАРКОВСКОГО и ряд других товарищей отступали в верховья Енисея. Пароходы отходили по одному, так как приходилось задерживать наседающие белые банды. Когда наши части шли по городу, то провожали оружейным огнем из каменных зданий, из окон. Пришлось отходить с боем, двумя цепями: одна по одну сторону, другая по другую, с винтовками наизготове, направленными на окна. Одна бесшабашная головушка - Боровская, латышка, шла прямо, серединой улицы, а ей только подсказывали - "Вон в окне появился", а она, раз, на колени, винтовку ^с вкинет, выстрелит - и из списков вон. Стреляла отлично и не из боязливых. Когда грузили последний пароход "Иртыш", с мичманом "Обь" - баскет сифно (такое название) пришлось стойти на рейд и прикрывать своим огнем отход "Иртыша". По береговой улице творилось не поймешь что: цени белых и вольных людей, любителей поглазеть. У нас на берегу лежит цепь латышей, тридцать бойцов, стреляют на выбор. Тов. Дымов настаивает резануть из пулемета. Я уговорил, что не нужно, там ведь и наши провожающие, своих поб"ем. Пароход "Иртыш" отошел от пристани и не захватил латышей, которым пришлось подплывать на лодках и "Обь" их подбирала под прикрытием своего огня. Когда развернулись ниже старого базара, а тут уже недалеко Лада́йские перекаты, лоцмана у нас не было, матрос-рулевой отказывается, тогда тов. Дымов поручает мне контролировать рулевого и заставлять его вести пароход. Через Лада́йские перекаты прошли хорошо, а в Коркиной нас догнал лоцман этого парохода Афанасий Петрович МАЛЫЦЕВ.

Хозяин предупредил меня, что хотят устроить ловушку. Я согласился получить динамит через собрание. Пошли вдвоем с Петюшкой, это Енисейский паренек, а пять человек немцев остались на квартире, на чеку. Нас хотели захватить при выходе. Из сборки я получил санкцию от собрания и объявил село на осадном положении, а председатель дал распоряжение, чтобы очистили улицу и проводил нас с Лобановым до квартиры, а утром мы забрали динамит и уехали в Стрелку. Там как раз организовалась банда, руководимая офицером, сыном купца Карнилова. И подборных, тоже офицер, собрал фронтовиков и ушел в Каргино, но с ними они не встретились. Выяснилось, что в Стрелке они разоружили охрану, сопровождающую золото с приисков в количестве 7-и человек. За счет их и вооружились на первый случай. При обыске квартиры Подборного нашли еще наган его. Пока мы стояли в Стрелке пришел пароход "Тобол", имея задание снять в Каргино, на почте, аппаратуру, Комендант же у меня попросил для усиления двух красногвардейцев. Когда подошел "Тобол" к Каргино, его обстреляли. Там уже собрались белые банды. Офицеры и местные кулаки убили двух товарищей, как раз тех, которых я передал с катера "Стрелка". Вернулись обратно в Енисейск, экспедиция уже собралась к отплытию дальше. В городе чувствуется беспокойствие: кто собирается с нами, кто остается, располагая на какую то милость, а ряд товарищей идут в подполье, чтобы дальше продолжать работу. На пароходе "Николай святой" появляются заложники, на всякий случай, а то что доброго, Енисейские контрреволюционеры вздумают устроить пакость отступающим. В качестве заложника я встречаю земляка, учителя, правого эссера по фамилии Накрохин, который пожаловался мне, что хуже нет, когда попадешь под охрану женщины, не только пошевелиться, но и моргнуть глазом нельзя. Да это же мои воспитанники-говорю ему, которых я обучал в Красноярске оружейным приемам.

В Енисейске яполучаю назначение коменданта лихтера № 6, дают 60 красногвардейцев. Едем дальше. Пришли в Назимово, народ большинство попрятался, те кто чувствовал за собой грех, а другие, напуганные буржуазией, прихвостни, которые вели агитацию, что отступая большевики грабят и расстреливают. Эта агитация была проведена по всем деревням, на нашем пути. Постояли немного, народ начал сходиться. Наш неутомимый оратор— Ада Лебедева, собрала людей, провела митинг. Каждому, старому и малому старалась раз"яснить правоту партии большевиков и стоящие задачи в результате конечной цели. Где бы мы не останавливали, в деревне, она обязательно беседовала с народом. Оставшиеся позади нас деревни не могли ничего сказать плохого об отступающей экспедиции, потому что нам был дан строгий приказ— не приносить никакого вреда населению. Бывало, приедешь в деревню— ни души, ни одного живого человека. Заходили в дом, брали молоко, яйца, картофель и тут же оставляли деньги для расчета. Был и такой случай: приходим в Подкаменную Тунгуску, людей ни души. В чем же дело? И вот мы собираемся человек 20, оседлали лошадей и по первой попавшейся дороге поскакали галопом. Прошли километра три, вдруг выезжаем на большую поляну, на которой расположились жители деревни П-Тунгуска. Народ шарахнулся было в лес. Мы взяли в кольцо и спрашиваем: "Почему вы прячетесь?". Отвечают: "Да нас напугали, что вы грабите, убиваете". Раз"яснили мы им, кому на руку такая клевета и кто льет грязь на советскую власть. После этого дали лошадей подросткам, а сами пошли вместе со всеми в деревню, где организовали игры и танцы. Уходя прощались уже как старые друзья.

"Осиновский порог". Идем впереди всей экспедиции на пароходе "Обь" /так называемое боевое судно/. При входе в порог

встречаем пароход "Ангара", капитаном которого работает Иван ГОРОХОВ, офицер старой царской армии. Пароход вел лихтер, груженный графитом. Дали сигнал, чтобы делал поворот и следовал за нами. Не подчиняется. Тогда "Обь" подошла к борту и предложила следовать за экспедицией. Приходим в Монастырь, занялись перегрузкой и погрузкой продуктов в освобожденный лихтер. Время призатянулось. В это время Горохов сделал свое дело. Накануне он дал распоряжение машинной команде прочистить котлы, сделать перетяжку машине, хорошо смазать, а ночью, пользуясь некоторым беспорядком, в отношении стоянки судов у пристани, пароход тот или другой мог отходить без ведома дежурного по флотилии. Мною с лихтера № 6 было послано три красногвардейца для дежурства. Их команда обезоружила, связала и, давай отходить. Маневровым порядком доходят до сторожевого парохода "Обь", который стоял выше Монастыря, километрах в пяти, но тем не менее "Обь" дает свистки, чтобы "Ангара" пристала к пристани, но она стала делать зигзаги и уходила все дальше, затем пошла на полную мощность и дала прощальные свистки. "Обь" открыла пулеметный огонь, изрешетила трубу штурвальной будки. "Ангара" уходила все дальше и дальше, пользуясь тем, что штурвал был внизу корпуса. "Обь" гналась до "Осиновских порогов", не теряя расстояние, а когда "Ангара" обрубил якоря, облегчила носовую часть, и сразу же стала уходить все быстрее. "Обь" вернулась обратно, не догнав за что были обезоружены. Взяли пулемет и трехлинейные винтовки, а взамен дали французские винтовки. ^{винтовки} "Обь" поставили на рейд, в 50-ти саженях от всей флотилии. Команда на "Оби" была из 30 латышей, который подозревали в том, что они в П-Тунгуске нагрузили лодку винтовками и пулеметом и отправили в деревню, где раньше отбывали ссылку три брата Крузе, а в настоящий момент они были в числе этой команды.

Это было сделано потому, что они хотели отстать от экспедиции и действовать своей группой, под "Осиновским порогом", как они об"ясняли. Они были недовольны, как и все остальные, беспорядком в экспедиции. Недовольствие назревало с каждым днем все больше. В тот день, когда было назначено собрание, на котором нужно было переизбрать командующей флотилией, вместо Кузнецова намечено было избрать Дымова, который вполне соответствовал этой должности, то собрание не удалось провести, так как напали белые офицеры. Кузнецов по честному отказался от этой должности, когда тов. Марковский был ранен и не мог командовать, но его обязали. И вот его неспособность полностью открылась, при разгроме экспедиции белыми офицерами. Вместо "Оби" на рейде стал сторожевым судном катер "Стрелка", вооруженный виетовками, и пулеметом. **Х** Сбежавшая "Ангара" встретила офицеров в деревне Ворогово, которые не решались идти дальше, боясь, что в "Осиновском пороге" могут напороться на мины или засаду. С приходом "Ангары" им стало ясно, что опасности нет, а притом Горохов взял на себя командование и повел офицеров в наступление. "Ангара" подошла тихонько к катеру, спавших обезоружили и предложили идти будить своих товарищей, которые так и сделали. Тревожными свистками подняли на ноги всю экспедицию, выбежали на палубу узнать, а тут и пароход ^{"Осиновский"} с офицерами и трехдюймовой пушкой. Наш командующий вместо того, чтобы высадить людей и приготовиться к бою, находясь на пароходе "Лена", у которой на буксире был лихтер № 6, пошел на таран. Это нужно было быть человеку без головы. Вот и командующий. Если бы направили "Тобол" на таран, то был бы порядок. Когда белые дали выстрел из пушки, первый снаряд улетел за монастырь, в лес, второй попал в носовую часть парохода "Лена", а третий в кормовую часть

и пароход пошел в берег носом. Люди давай высаживаться, кто как мог и бежали тоже неизвестно куда. Команды никакой, а белые стреляли разрывными пулями, создавая впечатление, что окружены; получалось два выстрела-один с парохода и в лесу пуля разрывалась и получалась ~~как~~ как-будто выстрел. Основная часть экспедиции бежала из леса в монастырь, где и попала в лапы белым, местным казакам на расправу. Паники добавили латыши, которые накануне ночью высадились на берег и были обижены тем, что их обезоружили. Они решили воспользоваться и отколоться от экспедиции и тут у многих создалось мнение, что латыши ударят одновременно с берега, рвущиеся пули в лесу давали повод, что латыши стреляют.

Я ушел с лихтера № 6 последним, осталась на нем единственная наша кормилица-кухарка Лена, которая ^{сказала} ~~сказала~~ ^{как не могла она} ~~останется на~~ лихтере, а тут пули рвутся, попадая в лихтер.

Я только сказал ей, чтобы ложилась, где стоит, а сам начал спасать Петьку, который оборвался с борта. Один пулемет "Максим" я бросил в воду, второй ^{Колос} пулеметчик потащил в лес, а мы с Петей потащили пулеметные ленты, но я еще задержался у лодки и когда направился под ураганным обстрелом на берег-смотрю, пулемет лежит в рытвине, тут же и ленты Петя бросил. Я бросил ящик с лентой, завалил землей, похоронил. Наверное этот пулемет и сейчас лежит там. Сам пошел в лес, на пути никого не было, думаю где-же наши цепи. Но командующий наш утек в одиночку, даже не мог за собой увлечь хотя бы десяток вооруженных. Основная масса экспедиции, после высадки с парохода, столпилась в Монастыре, часть, которая вначале убежала в лес вернулась обратно. Петя тогда убежал вперед меня с берега, тоже ушел в монастырь и наткнулся на офицеров, старых приятелей: Карнилова и Подборных

которые бежали от нас. В Стрелке они свели с ним счеты, дали ему одиннадцать штыковых ран. Так все это жаль, что несмотря на то, что мы были неплохо вооружены, мы без единого выстрела позорно бежали. Вот так бесславно закончила свой поход наша экспедиция. Что же послужило этому?

1. То, что неудачно был поставлен командующий флотилией тов. Кузнецов, который совершенно не мог руководить отрядом, но его все же обязали. Народ был неплохой, воевать с ним можно было бы.

2. Ошибка была в том, что не затопили в "Осиновом пороге" груженные лихтера графитом, в одном проходе, а во втором можно было поставить плавающие мины. Мастера этого дела были и динамита было 2 ящика. Поставить на кораблики засаду, откуда можно было проходящие пароходы забросать гранатами.

3. Это отпустили пароход "Ангару". Капитан Горохов сразу показал, что он ярый противник советской власти. Так зачем же было ему доверять судно. Он самый главный виновник в разгроме экспедиции. Вот лицо водников Енисейского пароходства в 1918 году, а таких гороховых было много. Кузнецов не только не смог дать отпора этой кучке офицеров, а сам погиб бесславной смертью. Его убили в д. Марково, крестьяне. Тов. Дымов, которого мы хотели избрать командующим на место Кузнецова, геройски погиб вместе с женой. Его офицеры окружили в лесу, выше Подкаменной Тунгуски. Они засели между двух колод и стреляли до последнего патрона, а потом, когда осталось у них по одному патрону, они перестреляли друг друга, чтобы не сдаться живыми. Это рассказал нам козак Перепрыгин, когда мы сидели в Туруханской тюрьме.

Прошел километра три, вышел из боевой зоны. Смотрю, сидят три товарища, рассматривают карту: Агафонов Иван, Поздняков

Александр и Дрюков Иван—этот оказался предателем; он знал, что "Ангара" готовится к побегу через своего брата Николая, который был матросом на "Ангаре" и накануне приходил процаться с ним. Меня Агафонов спрашивает, куда я думаю держать путь. Я сказал, что от Монастыря по р. Подкаменной Тунгуске.

В пятистах ^{русс} метрах есть жилое место, вот туда я и думаю идти.

"Идемте и Вы!"—говорю им. В пути у нас разгорелся спор: ребята говорят, что надо держаться левее, а я настаиваю, что правее.

И в результате мы вышли ниже Селиванихи на три километра, а она находится в 18 километрах от монастыря. На берегу, видим, стоит лодка, выше—другая и около нее стоит человек пять воору-

женных. Мы принимаем их за неприятельскую заставу. Лодка напротив нас, это приманка. Решаем завладеть лодкой, но прежде сделать разведку и в верхней лодке установить что за люди и сколько их. В разведку пошел я один, полил сильный дождь, свирепствует комар. Дохожу до указанного места, против лодки, вижу человек стоит в военной форме. без сетки, винтовка на ремне, отбивается от комаров веником. Кто они установить не мог. Вернулся к товарищам, сообщил о видимом. Что делать?

Я говорю, что у нас единственный выход, нам нужна лодка, и во что бы то ни стало, нужно ей завладеть. Один будет сидеть за веслами, а трое отстреливаться. Так и решили. Я бросился рысью к лодке, не добегал метров двадцать, смотрю, сверху, от монастыря, идет катер и ~~ни~~ увидев меня открыл пулеметный огонь. Я увернулся от обстрела. Смотрю, мои ребята бросают винтовки и потранташи и лезут на яр. Не пойму, что случилось? Вылез на гору, кричу, свищу, никто не откликается. Я пошел вглубь леса, прошел километра два и встретил Белопольского и Сухорукова. Сидят и закусьвают. Я приобщился к ним. Покушали

а ночевать пошли еще дальше, вглубь леса. Переночевали, накормили комаров и пошли по моему маршруту. Прошли километра четыре. Вижу дымок виднеется. Меня узнает отец Седельников. "Митька!" - кричит, "это я-отец". С ним было еще двое: Муковнин, Баладин Александр. Договорились пойти вглубь тайги, чтобы не наткнулись белые и там обдумать план направления. Решили идти до Курейки, на соединение с Кауровым. Одновременно было решено зайти в деревню Селиваново и заpastись продуктами. Переночевали и утром, часов в 9 направили Седельникова, который там уже бывал. Дали срок 50 минут до деревни, 50 на покупку продуктов и обратно 50 минут. Засекли время на часах, наблюдаем все пятеро. Вот истекло 50 минут, и, вдруг, в стороне деревни стрельба. Поглядели друг на друга и ждем остальные 100 минут. Время истекло, но отца нет. Прошел час-второй, нет. Значит отец взят в плен или убит. Гробовое молчание. Так тяжело потерять такого старого товарища, большевика, всеми любящего отца. Это был для всех дорогой, названный отец. На следующий день решили уточнить - что же случилось с отцом. Пошел я, взял с собой т. Лукавнина. Подошли к деревне с нижней стороны, где пасли скот. Скот пас мальчик лет 14-ти. Я подкрался к нему, выпросил есть ли кто в деревне из посторонних и что за стрельба была вчера. Мальчик сообщил, что сейчас в деревне нет никого, но могут быть, вчера пришел старик с черной бородой, его засада обстреляла, но не ранили и не убили, хотели потом расстрелять, но один офицер заступился за него. Мы в деревню не пошли, а вернулись в свой табор. Сообщили результаты разведки, переночевали и пошли в низовье, не зная ближайшего населенного пункта. Вышли на берег и идем кустами, продуктов нет, едим пучку. Вдруг, к нам навстречу бегут две собаки-лайки. Я хотел вначале

убить их, чтобы покушать, но стало жалко, а потом подумал, что это признак жилого места. Прошли еще немного вперед и увидели впереди, что весла мелькают. В это время две лодки переплывали устье речушки. Нам нужна была лодка, продукты и жилое место. Решили, чтобы я пошел открыто, так как одежда на мне местная и при мне двухствольное ружье /винтовку я передал Сухорукову Саше/. Вот иду на сближение с двумя лодками. Мои ребята шли параллельно, за кустами. Лодки не дошли до меня саженей 30, собак в лодки и в реку. Я кричу: "Граждане, куда же Вы? мне с вами поговорить надо, спросить, как мне добраться до деревни". Они держатся саженях в двадцати от берега и велют положить ружье. Я отнес его подальше, положил и иду к воде. Они немного приблизились и спрашивают: "А может у тебя наган есть?" Я выхожу из терпения и говорю: "Я тоже не знаю с кем имею дело, может у Вас пулемет есть". Они давай удаляться от берега. Когда я беру двухстволку и кричу, чтобы плыли к берегу, а то буду стрелять. Оказалось потом, что в одной лодке якутинские мужики-двое, везли арестованного итальянца Гобу, который меня узнал по голосу и говорит: "Давайте причаливайте, это комендант пиктера № 6, а то он сейчас будет стрелять". Это на них подействовало и они пристали к берегу. В это время вышли из кустов остальные четыре человека. Они удивились: "Да Вас оказывается пятеро". Гобу я не узнал потому, что его лицо походило на кусок мяса, ни глаз, ни носа нельзя было различить, комары съели его. Он при помощи пальцев открывал веки глаз и смотрел на меня: "Что не узнаешь, ведь это я, Гоба?". Вторая лодка была селивановская, на ней было трое, они узнали Муковнина и Баладина и рассказали подробно про отца, как он попал в плен. Решено было якутскую лодку ^{вернуть} отпустить, а селивановская пошла

домой и договорились, что они будут готовить продукты для нас. Народ там хороший, знали, кто прав, кто виноват. В Якутах нас встретили хорошо. Как раз народ весь был на рыбалке, в устье речки. Договорились с ребятами доставить продуктов на неделю и через 30-40 минут продукты уже были. Ребята просили сообщить наше место пребывания, чтобы знать куда доставлять продукты. Но мы сказали, что наше место пребывания никому не будет известно. Мы сами будем посылать человека и указали на Балакина. Условные знаки были установлены и назначена квартира, хозяин и его кличка. Прожили мы вблизи этой деревни 14 дней. За это время, в деревню Якуты, пришла группа товарищей-большевиков. Вначале от них пришел один мадьяр. В деревне были местные, туркестанские казаки, они задержали мадьяра. Он сообщил, что он не один. После чего пошли казаки и взяли остальных. Среди них были: Вейнбаум, Яковлев, Агафонов, Позняков, Дрюков и ряд других. В деревне говорили, что они решили добровольно сдаться, да и еще хитро, комары заставят еще и на худшее, от них ведь жизни нет. Прожили мы 14 дней, надоело кормить комаров, хотя у нас был хороший балаган. Приходим в деревню, в субботу вымылись в бане, купили лодку, попросили мужиков, чтобы дали сопровождающих до монастыря. Противоположной стороной шли около двух суток. Вот утром рано выходим внезапно из-за острова и, видим, что у монастыря стоит пароход "Иртыш" с офицерами, а на нашем берегу народу человек примерно двадцать. Что за народ? Неизвестно. Двое из нас плыли в лодке, а трое шли в лесу, скрыто. Мы вынуждены были уточнить, как действовать дальше. До народа расстояние около сажень сто. Вылезли мы из лодки и пошли в лес. Решено было действовать дальше так: трем плыть в лодке, а трое должны в случае попытки задержать лодку обстреливать из кустов и забросить гранатами.

надеялись. Отвечая и кричу. Со мной. Но в это время...

Я решаю так: беру еще двух товарищей Муковнина и Балакина в лодку и плывем на противоположный берег, прямо к пароходу, под видом рыбаков, а там подплыть к мысу, разделяющему р. Енисей и Тунгуску и уйти тем берегом. Когда мы отплыли, из толпы народа кричали: "Передавай по телефону на пароход и стрелять будем", но мы упорно плыли и ждали, что будет дальше. Все кончилось благополучно. Это были рыбаки, а на пароходе тоже не разобрались. Мы переплыли под носом у офицеров и правым берегом ушли вверх. Отдохнули, переплыли на левый берег и соединились с остальными товарищами. Ночевали в лесу; ночью пароход "Иртыш" пошел вверх, зашел в деревню Мироедику, где захватил трех товарищей - Демьяненко Николая и еще двоих. После ухода парохода мы зашли в деревню Мироедику, к хозяину, у которого расстреляли наших ребят. Он спросил: "Зачем Вы идете, ведь вот только что я похоронил ваших троих". Хозяин был политический ссыльный. Он напоил нас чаем и дал совет, в какую деревню идти и к кому заходить. Маршрут был только до В-Инбатского. По маршруту шли хорошо, в деревнях, в которых проживали по 2-3 дня, выигрывали время. Вот, впереди показался В-Инбатск, где как известно стоит застава но она на левом берегу, против деревни. Мы решили в глухую ночь пройти берегом деревни. Вышло удачно, даже собаки не залаяли у остяков в лодках, которые стояли на якоре в 10-ти метрах от берега. Дошли до деревни Искуп. Товарищи решили зайти в деревню. Зашли в дом Кравченко, хозяйка, старушка, добрая такая, поставила самовар, нажарила рыбы. Я с Гобой, итальянцем, шел на пару в бичевой и мы решили не заходить в деревню. Сердце чувствовало недоброе. Приходит Сухоруков Александр и давай уговаривать пойти попить чаю. Долго колебались, потом я сказал: "иди, а мы сейчас придем". После этого я винтовку и двухстволку завернул в парус - это все, что было у нас на шестерых. надежный. Отбегаю и кричу: "За мной!" Но в это время последо-

Наган у меня был всегда при себе. Наган был еще у Сухорукова, остальные товарищи предпочитали, что без оружия лучше. Это было слишком ошибочно. Я часто говорил, что наша песня спета. Если нас возьмут в плен, а умирать так с треском лучше. Приходим в дом Кравченко, друзья уже сковородку рыбы съели. Хозяйка поставила жарить другую. В это время заходит парень, ни слова не говоря осмотрел всех внимательно и ушел. Хозяйка вышла за ним, потом зашла и спрашивает: "У Вас, что там завернутое лежит в снях?, сейчас же принесите, а то народ у нас недобрый". Я сразу же вышел и принес оружие в дом. Вскоре пришли две дочери хозяйки и я сразу же заметил на их лицах тревогу. Стал торопить друзей. Потом пришел сам хозяин и старший сын, который сообщил, что в деревне вооружаются и хотят нас арестовать. Притом послали лодку в В-Инбатск за урядником Дураковым, а вторую послали на сенокос за народом. Я предложил товарищам быстрее следовать к лодке, а сам с Гобой вооружился и сел в засаду, чтобы в случае нападения на первых, мы смогли из засады отразить нападение. Но все прошло благополучно. Мы тоже вышли из засады и направились к лодке. Слышим с берега кричат: "Куда собрался!". Сразу 12 выстрелов последовало со стороны деревни. Я схватил винтовку и с колена стал отстреливаться. Все кинулись врассыпную. Одну обойму выстрелил и решил, что нам не уйти на лодке. Скомандовал бежать вверх по берегу, а сам заложил вторую обойму и опять начал обстреливать, кто пытался появиться. Повернулся к товарищам, вижу, они бегут кучей, кричу- "рассыпайся!" и бросился догонять. Из штабеля дров выстрелили и вместо меня попали в Муковнина-это комиссар Томской железной дороги, которого убили наповал. Товарищи столпились около него; я подбежал и вижу, что уже безнадельный. Отбегаю и кричу: "За мной!". Но в это время последо-

вал залп и все остальные попадали на землю. Я остался один и пошел дальше. Вижу, ко мне навстречу бежит с ружьем один крестьянин-кулак, а у меня на пути невод растянут; обходить его некогда, я прыгаю через него, а в это время в меня стреляют два раза подряд, но промазал, несмотря на то что расстояние было всего метров двадцать. Я прицеливаюсь из винтовки, но вышла осечка, вторая обойма была вся кончена. Я просчитался. Мой соперник закладывает в двухстволку второй патрон. Я стреляю из нагана, первый раз промазал, второй раз попадаю ему в колено. Я хотел добить, но не смог пересилить самовзвод нагана в горячах. Мой соперник берет меня на мушку. Я в это время зарядил винтовку, выстрелил и попал ему прямо в бок. Я обстрелял и второго, который бежал ему на помощь. Разделавшись с предателями я скрылся в лесу. По берегу я не решился продолжать свой путь и направился в хребты чернолесья, которые тянулись параллельно с р. Енисеем. Между хребтом и Енисеем находилось большое озеро. Я решил обойти его и заблудился. В этот день я раз десять лазил на кедрь, оборвался, в кровь изодрал руки и ноги и уже окончательно отчаялся, думал, что теперь не выйду отсюда. Хотел застрелиться, но когда приложил дуло к виску и только нажал спусковой крючок, как в это время вспомнил сынишку Сережку. Когда я уходил с экспедицией из Красноярска, он накануне был отправлен в Казачинск, к дедушке. Когда я последний раз был в Казачинске, то он сидел верхом на полисаднике и просил меня: "Я с вами, папа, поеду". Вот и представился он мне таким и я сказал себе, что ради сынишки попробую выйти и пошел напрямик. Через полкилометра, смотрю, телефонная линия, номер столба 24, иду дальше 23 и пошел по линии. Дело было вечером. Выхожу я на большую поляну и вижу, старушка гонит теленка. Я скрыться не успел и она меня заметила.